

УДК 94:2

Д.А. КУЛИКОВА

(kulikovadiana183@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

**«ИНОВЕРЦЫ» В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ: ОБРАЗ И ВОСПРИЯТИЕ НЕХРИСТИАНСКИХ
КОНФЕССИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ
(XI–XV вв.)***

Исследуется образ нехристианских конфессий в русских летописях XI–XV вв. Анализ ключевых летописных сводов показывает, что религиозная принадлежность была основным маркером чуждости, формируя оппозицию «свой-чужой». Выявляются особенности восприятия разных групп иноверцев и эволюция их образов. Рассматриваются функции этих образов в летописном повествовании: объяснение исторических событий, укрепление религиозной идентичности и репрезентация внешнеполитических контактов

Ключевые слова: летопись, древняя Русь, иноверцы, «поганный», язычество, ислам, иудаизм, религиозная идентичность.

Анализ представлений об «иноверцах» в русских летописях является ключом к пониманию менталитета и системы ценностей древнерусских авторов. Данная тема сохраняет свою актуальность, т. к. способы формирования восприятия «Другого» через религиозную принадлежность в значительной степени обуславливали историческое и политическое мышление Древней Руси и до сих пор оказывают влияние на культурные стереотипы в современности.

Новизна данного исследования заключается в целостном рассмотрении образов ключевых нехристианских религий – язычества, ислама и иудаизма, в их развитии и взаимосвязи в период, когда происходило становление древнерусской историографии.

Цель исследования – выявить и проанализировать закономерности формирования и трансформации представлений об основных нехристианских верованиях, отражённых в русских летописных текстах XI–XV вв., а также определение их роли в системе ценностей древнерусских книжников.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи: проследить эволюцию терминологии, используемой для обозначения «иноверцев»; проанализировать специфику образов разных конфессиональных групп; установить роль этих образов в летописных текстах.

Для проведения анализа были использованы ключевые древнерусские летописные источники: «Повесть Временных Лет» (ПВЛ), выступающая в качестве основополагающего свода, определившего основные смысловые рамки; Новгородские летописи, отражающие специфику северо-западных земель Руси; а также памятники формирующегося Московского летописания XIV–XV вв., реконструированные по более поздним сводам, в частности когда-то утраченной Троицкой летописи.

Ключевые аспекты проблемы освещены в трудах ведущих отечественных исследователей. А.Н. Сахаров исследовал внешнеполитические аспекты отношений Руси с кочевым миром и мусульманскими странами [6]. В.Я. Петрухин глубоко проанализировал проблему двоеверия и восприятия язычества в контексте христианизации [7]. И.Н. Данилевский сосредоточил внимание на особенностях летописного повествования и методах создания образа прошлого [1]. В.Т. Пашуто в своей фундаментальной работе проанализировал место Древней Руси в системе международных отношений, что позволяет понять внешнеполитический и военный контекст летописных упоминаний о «иноверцах» [3]. Исходя из научных достижений указанных исследователей, данная работа выстраивает собственную теоретическую и методологическую базу, что позволяет предложить новый взгляд на проблему.

В древнерусском летописании восприятие «иноверца» формировалось в основном посредством четкого разделения на «свой-чужой», где определяющим признаком чуждости являлась вера. Приверженец православия («свой») противопоставлялся «поганому» – общему названию для всех нехрис-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тиан. Данный термин изначально подразумевал отторжение и духовную не чистоту [4, с. 15]. Данное противопоставление способствовало укреплению собственной религиозной самоидентификации: принадлежность к «русским» означала исповедание православия, а все находящееся вне этой священной сферы воспринималось как враждебное или потенциально угрожающее. Эта оппозиция «своего» и «чужого» была ключевым элементом в формировании образа «иноверца» в древнерусских летописях.

Для наименования представителей других религий использовался широкий спектр терминов, которые со временем менялись. Наиболее универсальный был упомянутый «поганный», который применялся к различным языческим группам – от половцев и литовцев до местных волхвов [5, с. 199, 236]. Для обозначения мусульман часто использовались этно-конфессиональные термины, такие как «бесермены» или «агаряне», что, в соответствии со средневековыми представлениями, указывало на их происхождение от врагов избранного богом народа [Там же, с. 405].

Образ иудеев древнерусские летописцы формировали, опираясь на евангельский образ фарисеев. В христианском понимании фарисейство символизировало лицемерное и показное благочестие, скрывавшее гордость и духовную ограниченность. Иудеи воспринимались не просто как «чужие», представители иной веры, а как олицетворение притворства и поклонения перед ложными идеалами [1, с. 256].

Внутри общей категории «поганных» летописцы проводили четкое различие между «внутренними» и «внешними» иноверцами.

Как «внутренний враг» наибольшую опасность представляло собой язычество, т. к. оно разрушало внутреннюю сплоченность русских земель. Волнения, возглавляемые волхвами, о которых упоминается, к примеру, в Новгородской первой летописи под 1071 г., трактуются не как выражения социального недовольства, а как дьявольское искушение, и борьба с ними предстаёт как священная обязанность княжеской власти [2, с. 196]. Волхв изображается как ложный пророк, вводящий людей в заблуждение и ведущий к гибели. Его поражение в споре с христианским правителем (князем Глебом) является символическим подтверждением победы истиной веры над темными силами старого мира [7, с. 151, 276].

Внешние язычники (половцы, литовцы и угры) изображались прежде всего, как военная и политическая угроза. Они – «поганные», наказывающие Русь за грехи, но также и объект миссионерских устремлений. Однако, их образ был менее отрицательным, чем образ «внутренних» язычников или иудеев, поскольку считалось, что они изначально небыли знакомы с истинной верой. Летописи фиксируют сложные отношения с кочевыми народами, включавшие не только войны, но и династические браки, и военные союзы, однако, несмотря на это, религиозный аспект всегда оставался определяющим в оценке этих контактов [6, с. 67].

Мусульмане и иудеи воспринимались как сознательные носители ложной веры. В «Повести временных лет» в рассказе о «выборе веры» Владимиром, ислам изображается как вера, отнимающая жизненные удовольствия и радость, а иудаизм – как религия народа, утратившего свою землю в наказание за свои грехи [5, с. 176]. Подобное изображение служило скорее не объективной характеристикой, а аргументом в пользу особого статуса православной веры, свидетельствующем о её богоизбранности. В дальнейшем они часто выступают в роли искушителей, стремящихся отвратить православных с пути истинного [Там же, с. 177].

В летописных текстах образ «иноверца» играл большую нарративную роль и в продвижении определенных идеологических установок.

В первую очередь, он служил инструментом для интерпретации исторических событий. Неудачи русских войск часто объяснялись как божественное наказание за грехи, реализованное через «поганных» [Там же, с. 208, 210]. В то же время, военные победы, например, Куликовская битва, приобретали сакральный смысл как торжество креста над полумесяцем или языческими идолами, а князь, одержавший победу, представлялся как защитник веры [4, с. 421].

Кроме того, летописцы не могли игнорировать мирные взаимодействия с представителями иных вероисповеданий, включая торговые соглашения, дипломатические миссии и военные альянсы. Объяснение таким «неудобным» с точки зрения строгой доктрины фактам, находилось в практической сфе-

ре. Когда князь заключал союз с «погаными» против других «поганых» или даже против враждующих русских князей, он мог быть представлен как дальновидный лидер, который использовал одних недругов против других в интересах Русской земли. Подобные альянсы являлись частью комплексной дипломатической стратегии в Восточной Европе, где Русь пыталась поддерживать баланс сил и обеспечивать свою безопасность [3, с. 4, 90, 91]. Тем не менее, в летописях такие действия не получали религиозного оправдания и оставались в рамках вынужденной политической стратегии, что не отменяло общего отрицательного религиозного восприятия союзника.

Подводя итоги работы, мы можем выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, образ «иноверца» был системообразующим элементом картины мира древнерусского летописца. С XI по XV столетия данный образ претерпевал изменения, двигаясь от более простых к более детализированным и сложным, однако его главная задача оставалась прежней: выступать средством для определения собственной идентичности и обоснования религиозной и политической власти.

Во-вторых, развитие терминологии и образа показывает, что наибольшая неприязнь проявлялась к «внутренним врагам» – носителей языческих пережитков, а также тех, кто сознательно отвергал христианство (иудеев). Внешние язычники и мусульмане воспринимались в основном как военно-политические противники, и их образ мог меняться в зависимости от текущей политической ситуации.

В-третьих, образ «иноверца» не был отражением реальности, а продуктом целенаправленного конструирования. Он использовался для объяснения поражений, придания священного значения победам, подтверждения истинности православия и оправдания власти князей. Следовательно, «поганый» в русских летописях был не столько реальной исторической фигурой, сколько необходимым «Другим», через противопоставление которому определялся православный русский мир.

Литература

1. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
3. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968.
4. Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста / Предисл. К. Сербиной. М., Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950.
5. «Повесть временных лет» / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачёва; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1996.
6. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980.
7. Язык. Семиотика. Культура. Из истории русской культуры. Т. 1: (Древняя Русь): Народ. Князь. Религии. Статьи по истории и типологии русской культуры / В.Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000.

DIANA KULIKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

“PEOPLE OF OTHER FAITHS” IN THE RUSSIAN CHRONICLES: IMAGE AND PERCEPTION OF NON-CHRISTIAN CONFESSIONS IN THE EARLY RUSSIAN CHRONICLE WRITING (the XI–XVth centuries)

The image of non-Christian confessions in the Russian chronicles of the XI–XVth centuries is studied. The analysis of key chronicles shows that the religious identity was the basic marker of alienness, forming the “friend-or-foe” opposition. The specific features of perception of different groups of people of other faiths and the evolution of their images are revealed. The functions of these images in chronicle narration: the explanation of historical events, the strengthening of religious identity and the representation of foreign policy relationships are considered.

Keywords: *chronicle, Ancient Rus, people of other faiths, “heathen”, heathenism, Islam, Judaism, religious identity.*